

Сюй Юань вытер голову, развесил полотенце и сел за стол доедать суп. Он встряхнул головой, пытаясь подавить жестокий порыв. Нельзя убивать. Нельзя убивать.

Этот суп слишком вкусный. Убью — и больше не попробую.

Закончив, он придвинул стул к раковине, вымыл миску несколько раз, тщательно вытер и убрал в шкафчик, вернул стул на место и пошёл чистить зубы.

Когда он вернулся в комнату, Пэн Цзэфэн уже лежал на кровати с книгой — видимо, вышел, пока тот возился с посудой.

Пэн Цзэфэн захлопнул книгу. «Ещё не спишь?»

«Сейчас», — Сюй Юань забрался под одеяло.

Посреди ночи Пэн Цзэфэн, как обычно, проснулся и потянулся рукой, чтобы проверить лоб Сюй Юаня, но почувствовал, что ребёнок беспокоен. Открыв глаза, он увидел, что вокруг Сюй Юаня обвились какие-то тёмные, бесформенные тени.

Он осторожно ткнул пальцем — тени тут же перекинулись на него, но при этом складка на лбу Сюй Юаня разгладилась.

Призраки? Или так называемая скверна, злая энергия? Пэн Цзэфэн нахмурился. Он начал ощущать ледяной холод и понял, что это не галлюцинация.

Вдруг что-то вспыхнуло — и тёмная субстанция рассеялась.

Пэн Цзэфэн не ожидал, что столкнётся с чем-то столь мистическим прямо у себя перед глазами. Он вытер со лба Сюй Юаня пот салфеткой и достал тот самый сверкнувший предмет, положив его ребёнку под подушку.

Это был амулет на удачу, который он приобрёл два года назад в храме Киёмидзу. Неужели и впрямь сработал? Почему эта нечисть вдруг пристала к Сюй Юаню?

Пэн Цзэфэн задумался: не сходить ли ему за защитным талисманом для мальчика.

Когда он поправится, схожу по нескольким монастырям. Может, попадётся настоящий мастер...

Пэн Цзэфэн постепенно погрузился в сон, но почему-то ему стали сниться обрывки воспоминаний — мелкие, разрозненные, будто пережитые когда-то давно.

Во сне он впервые осознал, что отличается от других: почему он всегда чувствует то, чего не замечают остальные? Почему с первого взгляда улавливает эмоциональный «цвет» человека и, если сосредоточиться, может понять, о чём тот думает?

Тогда ему было, кажется, тринадцать.

Это, наверное, можно было назвать интуицией — способностью ощущать то, что витает вокруг, но невидимо и неосвязаемо. Только люди с сильной интуицией чувствуют такое?

Некоторые люди излучают очень мрачную энергию — наверное, это тоже с этим связано.

Пятнадцатилетний Пэн Цзэфэн листал книги по паранормальному, поглядывая на прохожих

внизу.

А, вроде в одном дневнике описывалось, что человек перед смертью несколько дней видел призраков? Что именно? Тот, кто никогда не сталкивался с мистикой, вдруг начал постоянно их видеть? Тёмные тени обвивались вокруг него, он рассказывал врачам и родным, но никто не верил.

Я тоже впервые так ясно увидел это воочию: тёмные тени, смутные, бесформенные, неосязаемые, но ощутимые.

Хотя нет, не только такие. Он видел и светлых, ясных призраков, почти не отличимых от людей, а то и прекраснее. Как-то раз он видел молодую женщину-призрака, которая просто улыбалась, следуя за старушкой, и поддерживала её, когда та спотыкалась.

Или мальчика, который, увидев на улице умирающую собаку, оторвал себе руку, чтобы накормить её. Но собака не могла есть, а рана мальчика кровоточила, и вся сцена скорее напоминала кадр из фильма ужасов.

А ещё некоторые призраки пожирали людей. Пэн Цзэфэн шёл по улице и видел, как человек постепенно исчезает, сам того не замечая. Присмотревшись, он разглядел на нём нечто в лохмотьях, с растрёпанными волосами и гниющей кожей, которое кусок за куском пожирало свою жертву. Оно почувствовало его взгляд и обернулось, бросив предупреждающий взгляд.

Его лицо понемногу становилось похожим на лицо исчезающего человека.

Но всё это исчезло после встречи с Сюй Укэ. Постепенно он и сам почти забыл о тех событиях. Выходит, он и вправду пережил столько невероятного.

Словно в романе читал.

А ещё был тот день, когда он, тогда ещё школьник, не пошёл в общежитие на послеобеденный отдых, а остался в классе... и увидел Бога.

Он понял, что это Бог, а не призрак, — по его могуществу и по тому, как от него веяло бездонным одиночеством. Он смотрел на места, где сидели Укэ и Цяньянь, словно видел прошлое. Может, и вправду видел.

А что было потом? Сколько он смотрел? И зачем? Из-за неразделённой любви?

Если так, то зачем становиться Богом?

В этом беспорядочном сне он чаще был наблюдателем, лишь изредка становясь участником. А проснувшись, он вновь всё забывал.

Голова раскалывается... Пэн Цзэфэн, потирая виски, сел на кровати. Это сон был?

Сны он почти никогда не помнил, только ощущение после пробуждения подсказывало, что что-то видел. Он сжал кулак и постучал им по лбу, поправил одеяло Сюй Юаню и тихо встал.

Несколько дней назад... видел... семья... не доверяли? Что это значит? Чувствовалось, будто приснилось что-то важное... Что-то, что нужно вспомнить. Пэн Цзэфэн закрыл глаза, но в памяти была пустота.

Его сны будто были под запретом: не только стирались сразу после пробуждения, но даже под

гипнозом ничего нельзя было извлечь. Попытки заранее настроиться на запись снов тоже проваливались — на бумаге оставалось одно-два слова.

И каждый раз после такого сна голова раскалывалась, поэтому он их и не любил.

Но он быстро отбросил эти мысли — ему нужно было раздобыть амулет. Он не знал, где искать настоящего мастера, но решил, что стоит посетить побольше мест и спросить у разных людей.

Хотя просто вручить Сюй Юаню амулет было бы глупо. Да и вообще, любой подарок не вписывался в его образ. Ладно, неважно, последнее время Сюй Юань стал покладистее.

Несколько дней спустя.

«На!» — Пэн Цзэфэн швырнул небольшую коробочку.

Сюй Юань поймал её. «Что это?»

«Ночник».

«Ты с ума сошёл?»

«Сошёл, и давно», — Пэн Цзэфэн буркнул про себя: «Не будь я болен, разве стал бы я обивать пороги всех этих монастырей, выпрашивая благословения у мастеров? Да ещё и в горные храмы карабкаться — ноги чуть не отвалились».

«Не надо», — Сюй Юань поморщился.

«Тебе дали — бери! Вечером включай, и всё!» — Пэн Цзэфэн тоже вышел из себя.

«Мой ночник — он же у тебя в комнате стоит. Сам хочешь — так и скажи, не прикрывайся мной», — Этот что, знает, что я последнее время кошмары вижу? Но ночник — это уж слишком идиотский способ утешения.

Пэн Цзэфэн сделал вид, что не слышит колкости: «Ага, я темноты боюсь».

Сюй Юань: ...

И, возможно, благодаря бумажке для талисманов, спрятанной в ночнике, Пэн Цзэфэн больше не видел той нечисти. Дни текли своим чередом: присматривал за ребёнком, срывал его планы по убийствам — жить можно было.

Но раз вылечить не удалось, нужно было объясняться с родителями, возвращать ребёнка и, заодно, деньги.

Пэн Цзэфэн всегда придерживался правила: вылечил — берёшь положенный гонорар; не вылечил — ни гроша. Это был первый раз, когда он не взял денег.

И вот срок, о котором они договорились, подошёл к концу.

«Отвези меня. За эти два месяца я никого не убил, но жилось куда спокойнее», — сказал Сюй Юань, надевая рюкзак и стоя в дверях.

«Наконец-то избавился от обузы. Честно говоря, я устал от наших провальных совместных планов», — Пэн Цзэфэн вёл за собой маленький чемодан, набитый вещами, купленными для

Сюй Юаня за эти месяцы.

Сюй Юаня так и подмывало лягнуть его. Да кто во всём этом виноват, как не ты!

«Если захочешь кого-то прикончить — зови», — сказал Сюй Юань и, увидев насмешливый взгляд Пэн Цзэфэна, добавил:

— «Хм, просто из уважения к нашему временному союзу. Так что без дела не беспокой. Мне в последнее время роль пай-мальчика понравилась».

<http://bllate.org/book/16276/1465353>